

Научная жизнь

УДК 101.1

DOI: 10.15372/PS20220310

С.А. Смирнов

ЗАМЕТКИ О СОЦИОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ (о результатах некоторых интернет-опросов)

В статье обсуждаются социологические опросы, проведенные российскими и зарубежными исследователями в 2009, 2015 и 2020 г. Опросы были посвящены изучению самоидентификации представителей философского сообщества и проведены в активном Интернет-сегменте. В качестве методики для проведения интернет-опроса был использован инструментарий, предложенный зарубежными коллегами, проводившими опрос в 2009 г. – Д. Бурже и Д. Чалмерсом. Результаты своего опроса они опубликовали в 2014 г. На его основе российские исследователи в 2015 г. провели свой опрос. В 2020 г. зарубежные коллеги свой опрос повторили на основе более широкой выборки.

Автор статьи анализирует результаты этих опросов как с точки зрения выявления предпочтений, приоритетов и ориентаций западных и российских респондентов, так и с точки зрения методики и инструментария опросов. Выявлено, что западные коллеги при формулировке вопросов опирались на аналитическую традицию, никак не учитывая континентальную философию. Также показано, что западные авторы фактически занимались социологией философии, не вдаваясь глубоко в содержание собственно философской проблематики. Российские исследователи полностью повторили западную методику опроса, не внося в него своей специфики. В итоге ставится вопрос об адекватности и осмысленности подобных опросов, фактически уводящих в сторону от собственно философской проблематики и профессионального самоопределения представителей философского сообщества.

Ключевые слова: философия; социология философии; интернет-опрос; философское сообщество; Д. Бурже; Д. Чалмерс

S.A. Smirnov

NOTES ON THE SOCIOLOGY OF PHILOSOPHY (concerning the results of some online surveys)

The article discusses sociological surveys conducted by Russian and foreign researchers in 2009, 2015 and 2020. The surveys focused on the study of self-identification of members of the philosophical community and were conducted in the active Internet segment. As an online survey technique, the tools proposed by foreign colleagues who conducted the survey in 2009, D. Bourget and D. Chalmers, were used. They published the results of their survey in 2014. Based on it, Russian researchers conducted their survey in 2015. In 2020, foreign colleagues repeated their survey employing a larger sample.

The author analyzes the results of these surveys both in terms of identifying the preferences, priorities and orientations of Western and Russian respondents, and in terms of the methods and tools of the surveys. It is revealed that when formulating questions, Western colleagues relied on the analytical tradition without any regard for continental philosophy. It is also shown that Western authors were actually engaged in the sociology of philosophy, without going deep into the content of philosophical problems proper. Russian researchers completely repeated the Western survey methodology, without introducing their own specificity. As a result, the question is raised of the validity and meaningfulness of such surveys, which practically take away from the actual philosophical problems and professional self-determination of members of the philosophical community.

Keywords: philosophy; sociology of philosophy; online survey; philosophical community; D. Bourget; D. Chalmers

Поводом для написания статьи стали исследования отечественных и зарубежных авторов, посвященные тому, что думают о философии сами философы – о своих предпочтениях, пристрастиях и приоритетах [1; 3–6]. Исследования эти симптоматичны. Они показывают не только то, как отвечают философы, но и то, каким инструментарием пользуются наши коллеги, чтобы исследовать эту тему, и какой концепт исследования закладывается в его основание, дабы увидеть предпочтения философов.

Начнем с исследования, проведенного в 2015 г. Московским центром исследования сознания при философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (МЦИС) [1].

Исследование проводилось в виде опроса в активном Интернет-активном сегменте философского сообщества, т.е. среди тех, кто в Интернете постоянно присутствует и участвует в опросах. Значит, тем, кто там не присутствует, в опросах не участвует и не вооружен компьютером или не может участвовать в таком интернет-опросе, этот опрос недоступен.

Всего в опросе приняли участие 1094 чел., но 566 респондентов ответили не на все вопросы, не закончили опрос. Средний возраст участников ожидаемо оказался 35 лет, а доля молодых молодых респондентов до 35 лет составила 71%. То есть это опрос молодежного Интернет-сегмента философского сообщества, что следует иметь в виду.

О чем спрашивали исследователи? Опросник состоял из трех блоков. Первый, как полагается, посвящен информации о респонденте (восемь вопросов). Второй блок включал шесть содержательных вопросов открытого типа, на которые респондент отвечал в свободной форме. Третий блок состоял из 39 вопросов тестового типа (респонденту были предоставлены варианты ответов).

Заметим, что данный опрос во многом повторял интернет-опрос, проведенный в 2009 г. зарубежными коллегами [4; 5]. Этот опрос мы обсудим ниже. Отечественные исследователи фактически повторили его на российской выборке и попытались сравнить свои результаты с результатами зарубежного опроса. Далее зарубежные коллеги повторили опрос уже в 2020 г. на более масштабной выборке [3; 5]. Его мы также обсудим ниже.

В рамках выборки российские исследователи сформировали две группы: узкую выборку (респонденты, прошедшие опрос до конца и корректно ответившие на контрольные вопросы) и экспертную выборку, в которую вошли доктора (24%) и кандидаты наук (76%). Заметим, что 62,5% в экспертной выборке – респонденты старше 35 лет.

Специализация респондентов по отраслям знаний оказалась вполне ожидаемой: социальная философия (16% представителей узкой выборки, 21% представителей экспертной выборки), далее – онтология и теория познания (15 и 16% соответственно) [1, с. 88].

Но это все собственно академические дела. Какие животрепещущие темы обозначали и какие вопросы ставили исследователи? И обозначали ли эти темы вообще? Затрагивались ли проблемы, касающиеся развития страны, общества, населения, мира, связанные с мировоззренческим самоопределением, мировыми вызовами, поиском ориентации в культуре, в науке? Задавались ли вопросы, касающиеся того, что думают философы о происходящем в мире, о том, есть ли у них ответы на мировые вызовы, свои рекомендации и предложения, связанные с культурным, научным и мировоззренческим поиском миллионов людей? Помогают ли в этом поиске философы? Или они заняты своими академическими делами?

Данный опрос посвящен сугубо академическим темам, причем в списке содержательных вопросов явно доминирует западная повестка.

Один из вопросов был поставлен так: *«К какой философской традиции вы себя относите?»*. Вопрос не был расшифрован. Респонденты могли отвечать в свободной форме, варианты ответов не ограничивались. Получилось следующее. В узкой выборке доля респондентов, соотносящих себя с аналитической традицией, составила 16% (большинство), с экзистенциализмом – 10%, с марксизмом – 8%, с материализмом (что это, спросим себя?) – 6%, с феноменологией – 5% (что странно мало). Ответы представителей экспертной выборки распределились так: аналитическая традиция – 13%, экзистенциализм – 13%, марксизм – 9%, русская философия – 7% (тоже странно, как будто в русской философии нет своих аналитиков, феноменологов, экзистенциалистов), материализм – 6%, позитивизм (постпозитивизм) – 6% [1, с. 89].

Уже странная картина. Либо так определяются респонденты, либо так задан вопрос. Он предполагает согласованное представление о том, что такое философская традиция и какие бывают философские традиции. И только после этого респонденты говорят о своих предпочтениях. Если же респонденты понимают под философской традицией принципиально разное, то сравнивать и делать выводы здесь просто невозможно.

Например, в ответах не упоминается герменевтика. Она не считается философской традицией? Русская философия представлена как философская традиция. С таким же успехом можно говорить о немецкой или французской философии. Марксизм представлен именно как философская традиция, а не как идеология, что вроде бы ближе к истине.

Идем далее. Самое интересное начинается тогда, когда мы переходим в собственно содержательным вопросам, показывающим не только респондентов, но и авторов опроса.

Отдельный вопрос был посвящен именам, философским авторитетам: *«Назовите трех философов прошлого, идеи которых вы считаете наиболее влиятельными. Расположите их в порядке значимости»*. Ответы получились следующие. В узкой выборке: Кант – 15% (что ожидаемо), Платон – 12%, Аристотель – 10%, Гегель – 7%, Маркс – 7% (не вполне ожидаемо). В экспертной выборке (ответы в которой удивительно совпадают с ответами в узкой выборке, что

не обязательно): Кант – 18%, Аристотель – 13%, Платон – 13%, Гегель – 7%, Маркс – 7% [1, с. 91].

Заметим, что философы XX в. в эти списки не вошли. Философия XX в. не считается прошлым, философы XX в. остаются для наших респондентов современниками. Что и подтверждают ответы на следующий вопрос: «Назовите самого значимого для вас современного философа». Вопрос предполагает именно идентификацию, определение значимости для респондента, а не попытку оценить объективное место философа. Здесь же как раз большой разброс в ответах, нет явных лидеров. Самые популярные имена упомянуты всего в 3–4% ответах. Список оказался пестрым и даже смешным. Респонденты из узкой выборки назвали такие имена, как Чалмерс, Жижек, Хайдеггер, Хабермас, Фуко. Эти философы получили по 4–5% голосов. Экспертная группа назвала Хайдеггера, Фуко, Хабермаса, Чалмерса, Делеза (4–5%). Реже упоминаются Жижек, Деннет, Мамардашвили, Поппер (3–4%).

Этот вопрос фактически тестовый, т.е. он проверяет самих задающих вопрос и отвечающих. Что подразумевается под «значимым, влиятельным философом»? Философ, который популярен? Который активно присутствует в Интернете? Самый цитируемый? Самый активный на данный момент? Самый публикуемый? Или он выступает пророком, великим учителем? Великим ученым, открывшим новые тайны бытия и человеческой души? Судя по всему, все эти смыслы в данных ответах перемешаны, а поэтому респонденты отвечали, исходя из разных оснований. Допускаю, что доминирующим основанием для выбора были популярность, активность, высокая цитируемость. Например, Витгенштейн в ответах на этот вопрос фактически отсутствует. А Хайдеггер соседствует по частоте упоминаний с Жижекком и Чалмерсом. И после этого мы должны называть Хайдеггера великим философом? Вот уж ирония истории!

С такой же проблемой мы столкнемся и при ответах на вопрос «Назовите самого значимого российского философа прошлого или современности». В узкой выборке ответы получились такие: Соловьев – 13%, Бердяев – 13%, Мамардашвили – 7%, Лосев – 4%, Ленин – 4% (скорее всего сыграла свою роль политическая ситуация). В экспертной выборке: Соловьев – 14%, Бердяев – 14%, Лосев – 6%, Мамардашвили – 6% [1, с. 95]. Удивительно, почему представители узкой и экспертной выборок опять совпадают в своих ответах.

Заметим, что в этих ответах фактически отсутствуют такие имена, как Ильенков, Щедровицкий, Зиновьев, Флоренский, Бахтин и др., тогда как объективно, сугубо по событиям в истории философии (и не только) эти философы сыграли, возможно, не менее значимую роль, нежели названные. Точнее, эти имена назывались, но количество их упоминаний было на уровне 2–3% в экспертной группе, т.е. они упоминались буквально 3–6 раз.

Но в любом случае опрос показывает, что в современном российском философском сообществе нет единственных, главных абсолютных приоритетов. А в ориентациях респондентов весьма большой разброс по именам, традициям, школам. Хорошо это или плохо? С точки зрения самоопределения философа, его научного поиска это вроде бы хорошо. Но с точки зрения наличия культурной традиции, необходимости научных образцов, удержания высокой планки научной философской мысли это не вполне хорошо. Если планка занижается, великими становятся Жижек или Чалмерс. У кого, извините, учиться образцам философской мысли лучше? У Канта и Платона или у Жижека и Чалмерса? Думаю, все же у первых двух. На то она и философская школа. Ее надо пройти, а потом уже пускаться во всяческие авторские поиски. И не следует путать философию с идеологией. Марксизм и Ленин оказались в ответах не зря, это показатель идейной и профессиональной дезориентации.

Относительно самоидентификации респондентов мы также имеем возможность посмотреть их ответы на 39 тестовых вопросов, заданных в жестком формате «да или нет». Приведем некоторые из этих вопросов.

Философия – это наука или не наука?

Различаете ли вы аналитическую и континентальную традиции в философии?

Существует ли бог?

Можно ли доказать существование бога?

Детерминистичен ли мир?

Верен ли принцип верификации?

Можно ли доказать существование физической реальности?

Возможен ли искусственный интеллект?

Сознание едино или нет?

Есть ли свобода воли?

*Имеет ли мораль биологическую или социальную природу?
Допускают ли нравственные истины строгое доказательство?*

Представленный перечень уже указывает на весьма избирательный подход в отношении проблематики, на фильтр, который поставили авторы опроса для проведения идентификации респондентов. Почему именно эти вопросы, а не другие? Почему они сформулированы таким образом? Почему надо ставить респондента в ситуацию странного выбора, а не предлагать ему поразмышлять и сделать авторское философское высказывание? Если мы получаем в итоге нечто вроде кривого зеркала сообщества, то зачем такой опрос? Но и полученные проценты ответов что нам дают для дальнейшего понимания? Что мы поняли после проведения этого опроса? Каково состояние философского научного сообщества? Точнее, состояние сознания в этом сообществе? Боюсь, ответы респондентов порождают новые вопросы.

Приведем некоторые примеры ответов на тестовые вопросы.

Философия – это наука или не наука?

Наука – 40% в узкой выборке и 39% в экспертной.

Не наука – 48 и 53% соответственно.

Затрудняюсь ответить (что стоит за этим затруднением, мы не знаем) – 12 и 8% соответственно.

Существует ли бог? (Сам лобовой характер вопроса уже ставит в тупик.)

Да – 42% в узкой выборке и 46% в экспертной.

Нет – 30 и 21% соответственно.

Затрудняюсь ответить 28 и 33% соответственно (вполне понятно, почему здесь такой большой процент).

Можно ли доказать существование бога?

Да – 22% в узкой выборке и 27% в экспертной.

Нет – 60 и 52 % соответственно.

Затрудняюсь ответить – 18 и 21 % соответственно.

Возможен ли искусственный интеллект (ИИ)?

Да – 54% в узкой выборке и 54% в экспертной.

Нет – 31 и 27% соответственно.

Затрудняюсь ответить – 15 и 19% соответственно.

Последний вопрос также фактически тестовый, проверочный. Он проверяет респондентов и авторов по основаниям. А что такое ИИ? Это не проясняется в опросе. Какие основания закладываются в представления об ИИ? Распредмечивается ли понятие ИИ и переводится ли оно на иной язык, поскольку само понятие ИИ – это всего лишь метафора и все разработчики ИИ это признают. Основания в опросе не обсуждаются. Что имеет в виду респондент, когда отвечает «да» или «нет»? Какая квалификация стоит за этим ответом? Смотрим дальше.

Есть ли свобода воли?

Есть – 78% в узкой выборке и 78% в экспертной.

Нет – 11 и 7% соответственно.

Затрудняюсь ответить – 11 и 15% соответственно (природа и причина затруднения нам при этом непонятны).

Этот вопрос тоже тестовый, проверочный. Он проверяет не только респондентов, но и авторов опроса. Что означает «есть?», когда спрашивают о феномене свободы воли? Как будто это какая-то вещь, лежащая где-то в шкафу. У кого-то она есть, а у кого-то ее нет, не приобрел в свое время. Феномен свободы в принципе не обсуждается. Понятно, что она особой природы, событийной, не натуральной. Спрашивать о том, есть ли свобода воли или ее нет, имеет никакого смысла, поскольку она проявляется в свободном поступке, который случается как событие. Свобода воли не есть, она проживается.

При этом ответы респондентов часто не коррелируют друг с другом. Например, на вопрос «*Совместима ли свобода воли с детерминизмом?*» получились такие ответы:

Совместима – 59% в узкой выборке и 65% в экспертной.

Несовместима – 23 и 15% соответственно.

Затрудняюсь ответить – 18 и 20% соответственно.

Но следующий вопрос дает другой расклад. На вопрос «*Совместима ли свобода воли с индетерминизмом?*» мы получаем ответы:

Совместима – 58% в узкой выборке и 55% в экспертной.

Несовместима – 19 и 18% соответственно.

Затрудняюсь ответить – 23 и 27% соответственно.

Так совместима или нет свобода воли с детерминизмом? На разные вопросы про одно и то же получаем разные ответы.

Забавные ответы мы также получаем и на вопрос «Из известных живых существ только ли человек обладает сознанием?»:

Только человек – 36% в узкой выборке и 39% в экспертной.

Не только человек – 50 и 46% соответственно.

Затрудняюсь ответить – 14 и 15% соответственно.

Удивительно не только то, что половина респондентов допустили наличие сознания еще у кого-то помимо людей (если так, то у кого?), но и то, что 14% представителей узкой выборки и 15% представителей экспертной ответили, что затрудняются дать ответ. Что это значит?

Важной характеристикой российского опроса является то, что он фактически представляет собой кальку с западного опроса. И не только по форме (интернет-опрос с набором содержательных и тестовых вопросов), но и по содержанию. Среди тестовых вопросов очень много таких, которые входят в повестку аналитической (сиречь англосаксонской) философии. Они позаимствованы отечественными философами специально, дабы провести сравнение? Или потому, что у авторов опроса нет своей повестки?

Приведем примеры таких вопросов.

Придерживаетесь ли вы корреспондентской или некорреспондентской теории истины?

Верен ли принцип верификации?

Является ли мысленный эксперимент аргументом или иллюстрацией?

Склоняетесь ли вы к контекстуализму или релятивизму в вопросе о знании?

К какой теории тождества личности вы склоняетесь?

Верен ли компатибилизм в отношении свободы воли?

Не будем загромождать наше повествование другими вопросами. Российское исследование, как уже было сказано, как раз и выступало попыткой сравнить полученные результаты с результатами опроса, проведенного Д. Бурже и Д. Чалмерсом в 2009 г. [4; 5]. В том числе поэтому оно было почти скалькировано с западного

опыта. Российские исследователи так и указали, что желание сравнить свои результаты с результатами опроса, проведенного зарубежными коллегами, было главным фактором, побудившим их провести свое исследование и опубликовать его результаты [1, с. 85].

Хорошо, допустим. И что мы получаем при таком сравнении? Если сравнивать российский опрос и опрос западных коллег 2009 г., то результаты следующие.

В западном опросе 2009 г. приняли участие 3226 респондентов, в том числе 1803 преподавателя философии (включая докторов философии) и 829 аспирантов философии. До конца опрос прошли 727 респондентов [5].

В российском опросе было задано 44 вопроса, в западном – 30. Но сами вопросы, напомним, были взяты российскими авторами почти целиком из западной анкеты. Лишь некоторые вопросы были добавлены (те, которые касались отечественной философии, – про влиятельных отечественных философов). Для западных коллег, заметим, Россия как философский регион и место, где возможна национальная философская традиция, вообще отсутствует. И это тоже показательно и объяснимо. В том числе и потому, что западный опрос в целом организован на аналитическую философию, что признают Д. Бурже и Д. Чалмерс, допуская, что это является их ограничением и недостатком, на что указывали и западные критики их опроса.

Если сравнивать по содержанию, то некоторые результаты интересны, но вполне предсказуемы. Например:

Априорное знание – да или нет? (признаете ли вы наличие априорного знания?)

Да – 71,1% (англоязычный опрос) и 55% (русскоязычный опрос, экспертная выборка).

Нет – 18,4 и 22% соответственно.

Другое – 10,5 и 23% соответственно.

Теизм или атеизм (верите ли вы в бога?)

Атеизм – 72,8% (англоязычный опрос) и 21% (русскоязычный опрос).

Теизм – 14,6 и 46% соответственно.

Другое – 12,6 и 34% соответственно.

Что касается философских авторитетов, то здесь не наблюдается откровений, хотя различия есть. Самые влиятельные философы

прошлого (по мере убывания значимости): в англоязычном опросе: Аристотель, Юм, Кант, Льюис, Витгенштейн, Куайн¹; в русскоязычном опросе – Кант, Платон, Аристотель, Гегель, Марк.

Причем вопрос звучал так: «С кем из неживых философов вы себя идентифицируете (отождествляете)?». Противники такого вопроса указали авторам опроса, что надо спрашивать о влиянии, а не об идентификации. Д. Бурже и Д. Чалмерс в этой части добавили свой гендерный комментарий. Они заметили, что все философские авторитеты оказались мужчинами. Поэтому в список современных влиятельных философов они включили Э. Энскомб, ученицу Л. Витгенштейна и переводчицу его работ на английский язык, автора концепции моральной философии, у которой оказался, по их мнению, самый высокий рейтинг за последние 200 лет. Это забавно.

Удивительно, но также и вполне объяснимо, что на первом месте в западном опросе оказался Д. Юм. В XXI в. в лидерах находится английский философ XVIII в. Это многое объясняет, если мы будем пытаться разобраться в ориентациях и приоритетах западной аналитической традиции, в целом сильно замешанной на гибриде логики и эмпирического опыта и отказавшейся от метафизики и онтологии.

Как мы уже сказали, в 2020 г. западные коллеги повторили свой опрос [3; 6]. Он был гораздо более представительным. Его выборка была расширена, также раздвинуты были содержательные рамки опроса. В опросе 2020 г. увеличено количество вопросов с 30

¹ Это результат опроса 2020 г. Он схож с результатом 2009 г., но там другая последовательность: Юм, Аристотель, Кант, Витгенштейн, Куайн, Рассел, Льюис. Д. Бурже и Д. Чалмерс оговариваются, что их список на самом деле во многом опирается на список, составленный философом права Б. Лейтером, параллельно известным как философ-блогер, организовавший в своем блоге интернет-опрос и составивший рейтинг самых великих философов XX в. (так называемый Philosophical Gourmet Report) [7]. Этот список был опубликован потом в газете «Нью-Йорк Таймс». Всего Лейтер набрал для своего опроса 1200 голосов. Первая пятерка получилась такая: Витгенштейн, Рассел, Льюис, Хайдеггер (по мере убывания). Надо сказать, что сами англосаксы неоднократно не просто критиковали рейтинг Лейтера, но также писали петиции за прекращение ведения этого рейтинга и публикации его в блоге. Но дело не в Лейтере, а в том, что этот же рейтинг фактически поддерживают те же философы, которые претендуют на полноценное исследование по социологии философии, – Д. Бурже и Д. Чалмерс, ссылающиеся сами на Лейтера. Мало того что авторы опроса сами проводили интернет-опрос, они опираются на блог Лейтера. Весьма символично: философия также смещается в блогосферу, в виртуальный мир и все более становится сама почти неосязаемой и виртуальной.

до 100, расширена целевая аудитория, в которую вошли 7685 философов из Австралии, Канады, Ирландии, Новой Зеландии, Великобритании, США и других стран. Все они – штатные преподаватели на философских факультетах, имеющие публикации в базе данных PhilPapers² и на других англоязычных сайтах, включая сайты журналов и книжных издательств.

Список из 100 вопросов содержал 40 основных вопросов, заданных всем участникам, и 60 дополнительных (более специализированных), заданных избранной части респондентов. В результате каждому участнику было предложено ответить минимум на 50 вопросов (40 основных и 10 дополнительных). По факту около половины участников ответили на 50–99 вопросов, а половина – на все 100 вопросов. Семьдесят новых вопросов были отобраны Д. Бурже и Д. Чалмерсом после консультаций со многими философами, работающими в самых разных областях.

Приведем некоторые примеры вопросов и ответов на них, которых не было как в опросе 2009 г., так и в российском опросе.

Цель философии (предпочтения: истина/знание, понимание, мудрость, счастье, добро/справедливость)?

Истина/знание – 42,18% предпочтений.

Понимание – 55,79%.

Мудрость – 31,17%.

Счастье – 12,65%.

Добро/справедливость – 22,7%.

Другое – 38,23%.

Философские методы (какие методы наиболее полезны или важны)?

Концептуальный анализ – 70,92%.

Концептуальная инженерия – 39,47%.

Эмпирическая философия – 60,01%.

Экспериментальная философия – 32,6%.

Формальная философия – 55,51%.

Философия, основанная на интуиции, – 49,45%.

Лингвистическая философия – 46,16%.

² PhilPapers – библиографический указатель по философии (<https://philpapers.org/>). В него входят журналы, книги, личные страницы, поддерживаемые конкретными учеными. Насчитывает более 300 тыс. зарегистрированных пользователей.

В ответах на второй вопрос весьма интересный спектр методов. Здесь оказались собраны как собственно методы, так и целые направления (например, лингвистическую философию сложно назвать методом, это направление). Трудность данного вопроса осознают и сами его авторы, отмечая, что это был, пожалуй, самый трудный для них вопрос и самый спорный. Можно было бы упомянуть и другие методы, но мы, говорят Д. Бурже и Д. Чалмерс, опустили ряд альтернативных методов, полагая, что их выбор будет невелик. К наиболее популярным альтернативным методам авторы отнесли такие, как феноменология, исторический метод, прагматизм, генеалогический метод, научный метод.

Приведем еще примеры вопросов и ответов.

Генная инженерия – допустимо или нет?

Допустимо – 64,21%.

Недопустимо – 19,45%.

Другое – 16,34%.

Бессмертие – вы бы выбрали его? Да или нет?

Да – 44,92%.

Нет – 41,33%.

Другое – 13,75%.

Кант, его взгляды? Один мир или два мира?

Один мир – 45,43%.

Два мира – 34,9%.

Другое – 20,64%.

Второй из этих вопросов странный и просто лобовой. Что за этим стоит? Признание миров в философии Канта? И сколько таких миров? Если говорить о трех «Критиках», то миров как минимум три: мир природы, мир свободы и мир способности суждения (который не мир, а регулятор, связующий первые два мира, когда Кант увидел, что между ними оказалась пропасть). Но объяснений в опросе нет.

Есть и такой забавный вопрос:

Другое сознание (наличие сознания у других существ или других групп существ)?

Взрослые люди – 95,15%.

Кошки – 88,55%.

Рыбы – 65,29%.
Мухи – 34,52%.
Черви – 24,18%.
Новорожденные дети – 84,34%.
Текущие системы ИИ – 3,39%.
Будущие системы ИИ – 39,19%.

Удивительны вопросы и ответы. Под сознанием респонденты подразумевают все что угодно. Поэтому у них обладать сознанием могут и черви, и рыбы, и люди, и кошки. Да, наверное, авторы правы. Опрос не имеет отношения к философии, но он имеет отношение к социологии философии, он дает срез того, что творится в головах у преподавателей философии и их аспирантов.

Есть еще два-три вопроса, относящихся к так называемой прикладной этике, нынче весьма модной на Западе. С легкой руки западных авторов [2] она получила название «вагонетковедение» (trolleyology)³.

Ситуация с вагонеткой, или «проблема вагонетки», описывается в категориях мысленного эксперимента. Представьте себе, что вы стоите на железнодорожном пути, а по нему несется неуправляемая вагонетка. Вы видите, что впереди на пути пятеро человек, они не могут убежать и рискуют погибнуть под вагонеткой. Но у вас есть возможность перевести стрелку, чтобы вагонетка пошла по другой ветке. Однако на той ветке стоит один человек, который тоже не может уйти с пути. Вы можете перевести стрелку, но он погибнет, хотя пятеро останутся живы. Ваши действия?

Мне кажется, что ситуация слишком надуманна. Это, разумеется, искусственная модельная ситуация, каковых много строится при разработке моделей взаимодействия людей и техники, попадающих в обстоятельства с большой степенью рисков и неопределенности. Но по своей сути ситуация, выстроенная в этой модели, предельно цинична. Участникам подобных мыслительных экспериментов предлагается поместить себя хотя и в придуманные, но нечеловеческие условия. И представить: способен ли я убить одного ради спасения пятерых? Выбор однозначно тупиковый. Выбора здесь вообще быть не должно, ведь этика – не арифметика. Решение этической проблемы не может быть переведено в разряд арифметики. Этическая проблема вообще невычислима. В области морали

³ Впервые в научный оборот «проблему вагонетки» ввела Ф. Фут.

и нравственности, в области нравственных поступков и нравственного долженствования не может быть расчета. Одно дело, когда на войне генерал жертвует в одном месте батальоном, чтобы в другом месте сделать прорыв. Но это на войне. Жизнь нельзя строить по стратегиям войны. Если уж строить модели, то такие, которые бы не загоняли человека в изначально тупиковую ситуацию, когда любое решение – заведомо убийственное и безнравственное. Человек заведомо ставится в нечеловеческую зависимость от бездушной вагонетки и оказывается перед необходимостью делать выбор, однозначно и одинаково убийственный. Ведь непричинение вреда другому и тем более невозможность спасения одного ради спасения другого – это непреложное этическое правило. Оно обязательно к исполнению.

Д. Эдмондс приводит в своей книге 10 таких ситуаций, в которых ставится вопрос о выборе между тем, что ты пустишь вагонетку по этому пути – и задавишь пятерых, и тем, что ты пустишь по другому пути – и задавишь одного [2, с. 241–250].

Тем не менее такая, с позволения сказать, прикладная этика или даже моральная философия пустила корни в западном философском дискурсе, и соответствующие вопросы вошли в списки различных опросов. Д. Бурже и Д. Чалмерс не преминули вставить эти вопросы в свое исследование. Какие ответы они получили?

Задача вагонетки. Ехать прямо, тогда наедешь на пятерых, или переключить стрелку на другую линию, тогда наедешь на одного?

Переключить – 63,42%.

Не переключать – 13,31%.

Другое – 24,88%.

Удивительно. В какую циничную ситуацию ставятся респонденты, на какой вопрос им предлагают ответить! И несмотря на все моральные муки и терзания совести, все же 13,31% ответили, что не надо переключать стрелку. Мол, пусть вагонетка едет и давит всех пятерых. И авторы опроса, и респонденты допускают вообще самую возможность рассуждать по поводу таких ситуаций. Это и есть этическая проблема? Куда делся кантовский ригоризм? Куда ушла великая метафизика нравов? Где моральный долг? Нравственный поступок? Самопожертвование ради другого? Почему в этой вагонеткологии не допускается вообще третий вариант: тот, кто находится у стрелки, или тот, кто сидит в вагонетке, вообще вынужден себя

просто взорвать, если движение неминуемо. И прямо, и направо – пути одинаково убийственные. А поэтому если ты находишься в такой ситуации, то жертвуешь собой, поскольку иного пути нет и только ты сам ценою своей жизни и можешь остановить эту страшную вагонетку, которая становится слепым орудием убийства. Но авторы вагонетководения почему-то сидят и рассуждают, но никак не допускают и мысли о таком варианте.

Можно привести еще ряд примеров с вопросами. Но более важным являются не сами по себе ответы (хотя они симптоматичны), а методология и инструментарий, которые были использованы западными коллегами и которые фактически почти без изменений применили российские исследователи.

Сами Д. Бурже и Д. Чалмерс признают критику в свой адрес со стороны собственных западных коллег как по итогам опроса 2009 г., так и по итогам опроса 2020 г. И пытаются как-то на нее ответить. Основнимся на двух моментах.

Первое. Почему были заданы именно такие вопросы, а не другие? Почему в опроснике доминирует аналитическая традиция как основание для выбора вопросов?

Д. Бурже и Д. Чалмерс признают, что представители неаналитической традиции испытывали затруднения при опросе и высказывали критические замечания, а потому опрос отражает не полную картину философии. Мы признаем эту критику, но мы, объясняют Д. Бурже и Д. Чалмерс, пытались найти вопросы, относящиеся к неаналитической традиции, чтобы их вставить в анкету, но нам было трудно их найти, а также трудно было найти респондентов, которые бы смогли ответить на вопросы, связанные не с аналитической традицией. Забавный ответ. И поэтому мы, объясняют авторы, взяли за основу аналитическую традицию, поскольку именно в ней сосредоточен наш собственный опыт. Д. Бурже и Д. Чалмерсу было легче составить опросник на основе аналитической традиции, нежели брать все проблемное поле мировой философии. Континентальную философию они просто не знают. Объяснение понятное. Но тогда понятна и ограниченность опроса. Поэтому единственное, что они могли предложить критикам – представителям «неаналитических традиций», это провести свои опросы, опираясь на другие традиции.

Второе. Данный опрос не имеет отношения к философии. Он не отражает реальной картины. Он философски не уместен или просто глуп.

Д. Бурже и Д. Чалмерс отвечают на эту критику так. Да, возможно. Но опрос относится не к философии, не к ее содержанию. Он относится к социологии философии. Авторам было интересно рассмотреть социологический срез предпочтений философов и получить некоторые данные именно по социологии философии, используя интернет-опрос как инструмент философской коммуникации. Это некоторое упражнение в социологии философии [6].

* * *

Какие предварительные выводы можно сделать?

1. Российский опрос является фактически калькой (как по содержанию, так и по инструментарию) с опросов, проведенных западными коллегами. При этом выборка в англоязычных исследованиях 2009 и 2020 гг. более внушительна, нежели выборка в российском опросе.

2. Отечественные респонденты были вынуждены отвечать на вопросы из повестки, выработанной на материале западной аналитической традиции.

3. Российский опрос не выявил у респондентов никаких особых приоритетов и ориентаций, он не выводит на специфику проблемного поля отечественной философской традиции.

4. В проведенных опросах (как в российском, так и в западном) фактически отсутствуют собственно проблемные вопросы, связанные с поиском места философии в современном мире. Респондентам не задавались, например, такие вопросы, как «С какими вызовами сталкивается современный мир и человек?», «Как современная философия отвечает на современные вызовы?», «Какими проблемами должна заниматься современная философия?», «Насколько современная философия значима и актуальна или она занимается своими узкоакадемическими темами?», «Какими вопросами в данное время занимаетесь вы как философ?», «Включены ли ваши разработки в современные крупные междисциплинарные проекты?», «Участвуете ли вы как философ, разработчик, методолог проекта в каком-нибудь трансдисциплинарном исследовании?». Таких вопросов в данных опросах просто не было. Исследования носят сугубо академический характер.

5. Проведенные опросы скорее всего работают на самоидентификацию респондентов, причем сугубо академическую, на соотне-

сение себя с теми или иными существующими в философии темами, школами, направлениями. Вариант для идентификации был предложен самими западными авторами в виде тестовых вопросов, не всегда корректных, а иногда и вовсе весьма странных, в логике персонажа из известного фильма: «Василий Иванович! А ты за кого, за большевиков али за коммунистов?». Такие вопросы ставят в тупик. Точнее, они задаются в такой форме, в которой невозможен сугубо профессиональный философский разговор. Они заданы в логике журналистских провокаций: «*Существует ли бог?*», «*Атеизм или теизм?*», «*Детерминистичен ли мир?*», «*Есть ли свобода воли?*». Что дают авторам опроса ответы на таким образом поставленные вопросы?

6. Вместе с тем проведенные опросы могут быть полезны именно с точки зрения некоторой академической самоидентификации, на чем, собственно, и акцентировали внимание Д. Бурже и Д. Чалмерс. Но возникает простой вопрос: если ты хочешь посмотреть в зеркало и увидеть себя в нем, то какими глазами ты в него смотришь? И что (кого) ты увидишь? Не оказываются ли эти опросы кривым зеркалом? И что нужно для того, чтобы действительно понять содержание наполнение проблемного поля, которым занимается (должно заниматься) философское научное сообщество? Оставим этот вопрос для дальнейших поисков и исследований.

Литература

1. Беседин А.П., Васильев В.В., Волков Д.Б., Кузнецов А.В. О чем думают российские философы? Результаты интернет-опроса // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2017. № 6. С. 84–116.
2. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 264 с.
3. Bourget, D. & D.J. Chalmers. (2014). What do philosophers believe? *Philosophical Studies*, 170 (3), 465–500. Available at: <https://philarchive.org/archive/BOUWDP> (date of access: 29.06.2020).
4. Bourget, D. & D.J. Chalmers. (2021). Philosophers on Philosophy: The 2020 PhilPapers Survey. Available at: <https://philarchive.org/archive/BOUPOP-3> (date of access: 29.06.2020).
5. *PhilPapers*. Available at: <https://philpapers.org/> (date of access: 29.06.2020).
6. *The 2009 PhilPapers Survey*. Available at: <https://philpapers.org/surveys/> (date of access: 29.06.2020).
7. *The 2020 PhilPapers Survey*. Available at: <https://survey2020.philpeople.org/> (date of access: 29.06.2020).

References

1. *Besedin, A.P., V.V. Vasiliev, D.B. Volkov & A.V. Kuznetsov.* (2017). O chem dumayut rossiyskie filosofy? Rezultaty internet-oprosa [What do Russian philosophers think about? The results of an online survey]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy], 6, 84–116.
2. *Edmonds, D.* (2020). Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe khorosho i chto takoe plokho? [Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us About Right and Wrong]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 264. (In Russ.)
3. *Bourget, D. & D.J. Chalmers.* (2014). What do philosophers believe? *Philosophical Studies*, 170 (3), 465–500. Available at: <https://philarchive.org/archive/BOUWDP> (date of access: 29.06.2020).
4. *Bourget, D. & D.J. Chalmers.* (2021). Philosophers on Philosophy: The 2020 PhilPapers Survey. Available at: <https://philarchive.org/archive/BOUPOP-3> (date of access: 29.06.2020).
5. *PhilPapers.* Available at: <https://philpapers.org/> (date of access: 29.06.2020).
6. *The 2009 PhilPapers Survey.* Available at: <https://philpapers.org/surveys/> (date of access: 29.06.2020).
7. *The 2020 PhilPapers Survey.* Available at: <https://survey2020.philpeople.org/> (date of access: 29.06.2020).

Информация об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
smirnoff1955@yandex.ru.

Information about the author

Smirnov Sergey Alevtinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia)
smirnoff1955@yandex.ru

Дата поступления 29.06.2022